

УДК 316.75:323.28(045)

Идеологические основания террористической деятельности

КАФТАН ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная политология» Финансового университета.
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Аннотация. В статье представлены положения, выдвигаемые идеологами терроризма, которые служат оправданием деструктивной деятельности террористов по разрушению инфраструктуры современного общества, похищениям и убийствам ни в чем не повинных людей для навязывания своей воли политической власти. Обосновывается мысль, что наиболее адекватным ответом на проявления террористической активности является создание антитеррористической идеологии.

Ключевые слова: виды идеологического терроризма; терроризм; террористическая деятельность; террористическая идеология.

Ideological Bases of Terrorist Activities

VITALIY V. KAFTAN

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Professor, «Applied Politics» Department, Financial University.
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Abstract. The article presents the ideas put forward by the ideologists of terrorism, which serve as an excuse of destructive activities of terrorists to destroy the infrastructure of modern society, abductions and murders of innocent people to impose their will on the political power. The idea is substantiated that the most appropriate response to the manifestations of terrorist activity is the creation of anti-terrorist ideology.

Keywords: terrorism; terrorist activity; terrorist ideology; types of ideological terrorism.

Политическая идеология, являясь теоретическим обоснованием системы ценностей определенных политических субъектов, наделяет политические процессы, в том числе и террористическую деятельность, своим собственным смыслом, рекрутируя человека в политическую активность, носящую насильственно-деструктивный характер. В этой связи особый научный интерес представляет выявление идеологических оснований современного терроризма.

Идеология (от др.-греч. *ιδέα* — прообраз, идея и *λόγος* — слово, разум, учение) — система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая интересы различных социальных классов, групп, обществ, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо

обосновываются их преобразования (революционно-радикальные, экстремистские, террористические идеологии) [1].

К. Маркс в своей работе «Немецкая идеология» указывал, что производство идеи, представлений, сознания первоначально непосредственно влечено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни [2; с. 24–25].

Маркс считал, что большая часть осознанных идеологических мыслей является «ложным»

сознанием, идеологией и рационализацией, а подлинные глубинные мотивы поведения человеком не осознаются, они коренятся в организации самой социальной системы, которая направляет сознание человека в определенное русло, тогда как целый ряд фактов и явлений остается за пределами сознания.

Один из основоположников неомарксизма А. Грамши не разделял интерпретации идеологии как целиком ложного сознания, он определял ее в качестве средства символической гегемонии господствующего класса. В своей работе «Тюремные тетради» Грамши обосновывает существование «исторически органичных» идеологий, которые имеют действительность, «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д., и идеологий произвольных, рационалистических, «надуманных», которые создают индивидуальные «движения», полемику и т.д. [3, с. 75]

Британский исследователь Дж. Лалл дает следующее определение гегемонии: «Это власть или доминирование одной социальной группы над другими при молчаливом согласии людей быть управляемыми принципами, правилами и законами, о которых они думают как о функционирующих в их интересах, даже если на самом деле это не так ... Гегемония — это процесс конвергенции, согласия и субординации. Идеи, социальные институты, индустрии и стиль жизни синтезируются в мозаику, которая служит для защиты политических, экономических и культурных преимуществ тех, кто управляет обществом... Масс-медиа играют чрезвычайно важную роль в этом процессе. При этом жертвы гегемонии не осознают, что подвергаются репрессиям посредством идеологии» [4, с. 51, 52].

Одним из первых мыслителей, обративших внимание на природу терроризма, является Л.О. Бланки (1805–1881 гг.). По его мнению, правительство «царствует при помощи террора» и бедные пролетарии обладают «справедливым правом» «умереть с оружием в руках за дело человечества» [5, с. 118–119]. Будучи последователем французских коммунистов-утопистов, он утверждал, что «нация беднеет от потери трудящегося; она обогащается от потери бездельника. Смерть богача — это благодеяние». Реализуя на практике свои идеи, Бланки создал заговорщическую организацию «Общество времен года». Ф. Энгельс приводит мысль Бланки о том, что «небольшое

число решительных, хорошо организованных людей может в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с чрезвычайной энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию...» [6, с. 92] В настоящее время данные идеи нашли свое применение в идеологии цветных революций, в которых, для создания благоприятного момента, в определенной степени может быть использован терроризм.

Философское обоснование было дано терроризму немецким философом К.П. Гейнценом (1809–1880). В своей статье «Убийство» в 1849 г. он указывал на то, что вопрос о моральности насилия не может иметь места, поскольку главное в политике — это то, достигнута ли поставленная цель, а средства, которые при этом используются, — вопрос маловажный. По мнению автора статьи, мораль — понятие условное, так как людям все время надо убивать. «Даже если бы нам потребовалось поразить половину континента или пролить море крови, чтобы покончить с партией варваров, нас бы не мучила совесть», — писал Гейнцен в своей работе [7, с. 12–13].

В русской революционной мысли вопрос о терроре был инициирован одним из основоположников анархизма М.А. Бакунинным (1814–1876), который остро поставил вопрос: допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы? В ряде прокламаций Бакунин сформулировал анархический вариант революции: партия готовит восстание, однако следует естественному ходу событий, будучи «не диктатором — указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного», и, коль скоро восстание — волеизъявление большинства, меньшинство уже не сможет узурпировать власть, обратившись к «террору» [8, с. 86].

Русский социолог П.Л. Лавров (1823–1900), стоявший у истоков революционной организации «Земля и воля», считал: «Всегда и всюду человек без убеждений был человеком без нравственности <...> не развившим в себе человеческого достоинства. Всегда и всюду человек <...> окаменевший в догмате <...> был человеком с извращенной, уродливой нравственностью. Всегда и всюду человек, действующий несогласно со своим собственным убеждением, неспособный принести жертвы своему убеждению, был жалким и позорным преступником против нравственности» [9, с. 410]. Таким образом, критическое мышление есть предпосылка морали. Человек не ведет борьбу против

людей за обладание собственностью или за власть над ними. Он борется против принципа, узаконивающего несправедливость, и вступает в единоборство с врагами справедливости.

Народник Н. К. Михайловский (1842–1904) в своей статье «Герой и толпа» утверждал, что все в истории зависит исключительно от воли героев, критически мыслящих личностей. Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задало все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений [10, с. 34–35]. И в том и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы. Теория «героя и толпы» стала концептуальным основанием для террористической тактики боевых организаций эсеров.

Сторонник заговорщицких организаций, «русский якобинец» П. Н. Ткачев (1844–1886) писал, что самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки» расстроила и погубила народное благосостояние, довела массу народонаселения до состояния нищенства и хронического голода, водворила во всех отраслях общественного управления систему хищения и всяческих злоупотреблений, вызвала у раба-холопа скотский страх за свою жизнь и личную безопасность. Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он сознает свои права, сознает всю униженность своего рабства и сделается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами [11, с. 268]. Для этого необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу данной государственной власти лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть.

Анархист П. А. Кропоткин (1842–1921) видел смысл терроризма прежде всего в возбуждении революционной активности масс, подталкивании народа к восстанию. «Выступления,

привлекающие всеобщее внимание, открывают идею доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр. Важнее всего то, что он будит бунтовской дух, пробуждает в людях смелость <...> Скоро начинает обнаруживаться, что существующий государственный «порядок» не так уж силен, как думали раньше. Какого-нибудь смелого акта оказывается достаточно, чтобы весь правительственный механизм расстроился: чтобы великан пошатнулся...» [12, с. 348–349]

Член исполкома «Народной воли» Н. А. Морозов (1854–1946) в своей статье «Значение политических убийств» наиболее последовательно отстаивал возведение политических убийств в систему. По его словам, политическое убийство, «наносит удар в самый центр правительственной организации, со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях» [13, с. 282–283].

В своем программном манифесте «Террористическая борьба» Морозов утверждает, что «террористическая революция» казнит только тех, кто действительно виновен в совершившемся зле, это борьба силы с силой, равного с равным; борьба героизма против гнета, знания и науки — против штыков и виселиц. Особо Морозов останавливался на таком отличии «современной террористической борьбы» от тираноубийств былых времен, как возможность для террориста избежать неотвратимого ранее возмездия. Тайна обеспечивает неуязвимость террористов и бессилие могущественной государственной машины. Исчезая бесследно, они могут снова бороться с врагом, снова жить и работать для своего дела. Мрачное чувство не примешивается к сознанию восстановленного человеческого достоинства. Победа «террористического движения» будет неизбежна, если будущая террористическая борьба «станет делом не отдельной группы, а идеи, которую нельзя уничтожить, подобно личностям» [14, с. 6–7].

Таким образом, целый ряд известных мыслителей по существу являются идеологами и апологетами терроризма. Однако далеко не все революционно настроенные философы разрабатывали террористические идеи. Здесь может быть показана и другая группа мыслителей, категорически отвергавших террористическое насилие даже

во имя достижения революционных целей. Так, А. И. Герцен в своих «Письмах старому товарищу», адресованных Бакунину в 1869 г., писал о том, что насилием и террором можно только освободиться от старого, но невозможно создать новое. Для этого нужно «народное сознание». «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Террор не уничтожает предрассудки, не завоевывает народности. Дико-необузданный взрыв не пощадит ничего, разгулявшаяся сила истребления уничтожит на своем пути все, что достигло человечество. Великие перемены не делаются разнуздыванием дурных страстей» [15, с. 145].

Во многом современная террористическая идеология эклектична и восходит своими корнями к социал-анархизму, мессианским идеям, историческому волюнтаризму. Следует считать, что она может быть использована разными политическими силами, потому что камуфлирует их подлинные интересы, нельзя полагаться на идеологические высказывания самих террористов, принимать на веру их самооценку.

Разновидности идеологического терроризма принято обозначать различными цветами.

Анархический (черный) терроризм преследует цели ликвидации государства как аппарата насилия, направленного против граждан, достижения «абсолютной свободы». Одним из «отцов» черного терроризма можно считать М. Бакунина, утверждавшего, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Терроризм использовался в качестве «пропаганды действием», пиком его проявления можно считать конец XIX–начало XX в., когда бомбисты-одиночки уничтожили президента Франции С. Карно (1894), президента США У. Мак-Кинли (1901). Сегодня анархический терроризм в чистом виде почти не встречается.

В идеологии *левацкого* (красного) терроризма нашли отражение взгляды революционного преобразования общества, кратчайший путь к достижению которого — физическое устранение правящей элиты. Эти взгляды основаны на трудах О. Бланки, Ж. Сореля, Мао Цзэдуна. Обычных граждан левые экстремисты считают жертвами эксплуатации и почти не прибегают к терактам против них, практикуя похищение политиков, богатых людей и взрывы «ненавистных символов капитализма» (германская «Фракция Красной Армии» — РАФ, французская «Прямое действие» — Аксьон Директ). В последние годы после кризиса

коммунистической идеи активность этой формы терроризма неуклонно падает.

Контрреволюционный (белый) терроризм пытается противостоять террористической активности левых группировок путем физического уничтожения террористов и осуществления насилия в отношении среды, воспроизводящей радикалов. В настоящее время имеет место в основном в государствах с тоталитарной формой правления и военной диктатурой, причем терроризм направлен не только против экстремистов, но и против поддерживающих их граждан.

Крайне правый, фашиствующий (коричневый) терроризм представляет собой реализацию идей о господстве «высшей расы», уничтожении «недочеловеков», создании в обществе атмосферы всеобщего страха как условия прихода к власти «сильной руки». Такими организациями являются «Общество Джона Берча» в США, итальянский «Черный порядок». Ныне фашиствующие группировки («Эскадроны смерти» в Латинской Америке) находятся в глубоком подполье, и активность крайне правого терроризма относительно невелика.

Националистический тип современного терроризма (черно-белый) направлен против представителей конкретной национальности, которая, по мнению экстремистов, «мешает», занимая «исконное» жизненное пространство и рабочие места коренного населения (движение «Гражданская милиция» и организация «Черная Америка» в США, израильская группировка «Ках», устроившая погром в Иерусалиме православной церкви).

Сепаратистский терроризм ставит задачи создания «независимого государства» в местах компактного проживания какого-либо народа, ради этого экстремисты уничтожают представителей местной администрации и интеллигенции, не разделяющих их взгляды и сотрудничающих с властями («ИРА», «ЭТА», экстремисты на Северном Кавказе).

Религиозный (фундаменталистский) терроризм эксплуатирует тезис о «священной войне» против представителей других вероисповеданий, его адепты осуществляют борьбу за усиление своего политического влияния, маскируя свои действия заботой о душах и сознании других людей ради установления религиозной истины — чей бог истинный, чья вера лучше. Среди таких религиозно-террористических организаций особенно заметны:

- использующие исламскую идеологию: Хезболлах — «Партия Аллаха», «Исламское движение сопротивления» — ХАМАС, Имарат Кавказ, «Исламская Партия освобождения» — Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, имеющие свои филиалы во многих странах и осуществляющие взрывы, убийства и захваты заложников;

- использующие христианское вероучение: американское общество «Ку-Клукс-Клан» — протестантские фундаменталисты, проводящие ночные ритуалы и нападения на представителей нацменьшинств (чернокожих, пуэрториканцев), «Церковь Арийской христианской нации», выступающая против иудеев, считая их служителями Сатаны, деструктивная секта «Ветвь Давидова»;

- использующие иудаизм — «Эял» («Боевая еврейская организация»), по некоторым данным, ответственна за убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина;

- использующие религию сикхов — «Национальная армия Халистана», на ответственности которой убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди;

- использующие экзотические «новые религии», например «Аум Сенрике» («Учение истины Аум») — якобы синтезирующая в себе оккультные знания Востока, помогающие людям реализовать свои скрытые возможности. Сегодня религиозный терроризм имеет самое широкое распространение по всему миру.

Терроризм в экологической сфере представляет собой новую крайнюю форму проявления борьбы против экологического загрязнения природы и деятельности человека, ведущей к ее освоению и разрушению. Так, считается, что наиболее экстремистская международная экологическая организация «Green Peace» постоянно балансирует на грани откровенного терроризма, используя против правительств и промышленных компаний саботаж, акции протеста на ядерных полигонах, электростанциях, других объектах повышенной опасности, что может привести к чрезвычайным последствиям.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время террористическая идеология, превращая потенциальные вызовы и угрозы во все более реальные, привлекает к себе возрастающее внимание общественности, которая фиксирует все более усиливающееся ее влияние на социально-политические процессы, связи и отношения.

Именно поэтому террористической угрозе следует не только противопоставить чисто силовые анти-террористические мероприятия, но и сосредоточить особое внимание на разоблачении и противодействии террористической идеологии.

Литература

1. Семизин Г.Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000. — Т. 2.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 3. — 650 с.
3. Грамши А. Тюремные тетради.: В 3 ч. — М.: Политиздат, 1991. — Ч. 1. — 564 с.
4. Lull J. *Media, Communication, Culture*. — Cambridge: John Wiley & Sons, 2000. — 320 p.
5. Бланки Л. О. Вопросник для вступающего в «Общество семейств» // Избранные произведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 399 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. — М., 1973. — Т. 26. — Ч. 2. — 712 с.
7. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М.: Юрлитформ, 2002. — 506 с.
8. Пирумова Н. М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. — М.: Наука, 1990. — 319 с.
9. Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. — М.: Мысль, 1965. — Т. 1. — 752 с.
10. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии.: В 2 т. — СПб.: Алетея, 1998. — Т. 2. — 362 с.
11. Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Избр. соч.: В 6 т. — М, 1932. — Т. 3. — 356 с.
12. Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Мысль, 1966. — 504 с.
13. Листок «Земли и воли». № 2–3. 22 марта 1879 г. // Революционная журналистика семидесятых годов. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1970. — 354 с.
14. ¹⁴ Морозов Н.А. Террористическая борьба // Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 577 с.
15. Герцен А.И. Избранные философские произведения: В 2 т. — М.: Мысль, 1986. — Т. 2. — 654 с.